

РЕЦЕНЗИИ

Кузьмин Я. В.

Предвзятый и неполный «Компаньон по китайской археологии»

(*Underhill A. P.* (ed.). *A Companion to Chinese Archaeology*.

Oxford: Wiley-Blackwell, 2013. 640 p.)

В предыдущем выпуске «Российского археологического ежегодника» (см. Кузьмин 2014) представлен мой анализ книги по археологии Китая (Liu, Chen 2012), и теперь читателям предлагается критический обзор другой свежей сводки. В отличие от ранее опубликованной рецензии (см. Campbell 2013), где дана в целом достаточно высокая оценка этого тома, мое мнение о нем более критическое. При этом не подлежит сомнению, что редактором и авторами проделана большая работа. Плодом ее стал сборник, состоящий из 30 глав, а также именного и тематического указателей.

Как и в другой рецензии (см. Кузьмин 2014), русские названия археологических стоянок и культур, а также некоторые термины, понятия, фамилии и цитаты сопровождаются английскими синонимами в квадратных скобках. При необходимости даются ссылки на соответствующие страницы книги. Написание географических названий следует карте Китая (масштаб 1:5 000 000; М.: ГУГК, 1989) и «Атласу мира» (М.: ГУГК, 1984); названия памятников и культур даны, как правило, в тех вариантах, которые наиболее употребительны в российской научной литературе.

Поскольку по поводу рецензируемого издания был высказан ряд критических замечаний (см. Campbell 2013: 1217–1218), с которыми я полностью согласен, во избежание повторов нужно сначала упомянуть о них. Р. Кемпбелл считает, что книга представляет собой «смесь чего попало» [smorgasbord] в смысле описания практики археологии в Китае. Главными целями сборника являются: 1) показать разнообразие теоретических и методических подходов к пониманию китайской археологии; 2) дать англоязычному читателю новые данные о региональных изменениях в социальной, экономической и политической организациях ранних обществ Китая во времени. Отмечается, что многие методы и теоретические принципы, сильно отдающие скрыто-марксистским эволюционизмом [crypto-Marxist evolutionism], а также культурно-историческую парадигму, прямо связывающую археологические материалы и носителей культуры («горшки, равные людям» [pots-equal-people]), можно отправить в мусорную корзину [dustbin] истории. В качестве рекомендаций авторам и редактору книги Р. Кемпбелл, помимо прочего, предлагает «отвязаться от объединяющей националистской пер-

спективы» [untethered from totalising Nationalistic perspective]. Это замечание — крайне важное и своевременное, так как в данном сборнике, как и в книге Л. Лю и С. Чена (Lui, Chen 2012), националистическая направленность часто препятствует объективному анализу материала (см. далее).

Среди замечаний Р. Кемпбелла есть и такие: 1) в сборнике видны пробелы в освещении фактического материала; так, период 2-го тыс. до н. э. дан только для некоторых районов Центральной равнины [Central Plain], что делает эпоху бронзы этого региона выглядящей более изолированно, чем это есть на самом деле; 2) выделение в отдельные главы некоторых памятников (Чжяху [Jiahu], Хэмуду [Hemudu], Таоси [Taosi], Эрлитоу [Erlitou] и Аньян [Anyang]), как и узконаправленных исследований ранних текстов и работ по экспериментальной археологии, вводит читателя в заблуждение.

Обращается внимание на то, что ряд выводов китайских авторов противоречит фактическим данным — в частности, по поводу того, что появление домашних коровы и овцы в Китае произошло независимо от центра доместикации этих животных в Леванте. Это прямое отражение исследовательского подхода многих китайских археологов, который я предложил называть английской фразой «*wishful thinking*» («выдавать желаемое за действительное»; см. Кузьмин 2014). Вердикт Р. Кемпбелла таков — данную книгу нельзя давать ничего не подозревающим студентам без критического комментария («...A Companion to Chinese Archaeology... should not be uncritically fed to unsuspecting undergraduates»; Campbell 2013: 1218).

Перейдем к анализу собственно сборника. В главе 1 (Введение: Изучение развития и природы сложных обществ в древнем Китае, автор А. П. Андерхилл [A. P. Underhill]), задающей тон всей работе, определяется основная цель (см. выше). Главными исследовательскими темами книги являются: внутренняя организация поселений; производство предметов жизнеобеспечения (ремесло); региональная организация; природа раннего урбанизма; специализация ремесел; политическая экономика; идеологическая основа социальной иерархии (с. 6). В сборнике представлены данные по культуре неолита и эпохи бронзы Китая (возраст — 7000–1000 лет до н. э.). Весьма полезна для читателя хронологическая таблица (с. 5), а также рисунок с изображением основных форм сосудов (с. 11).

Как в этой главе, так и во всей книге одним из ключевых понятий является «сложные общества» [complex societies]. Однако четкого определения этого термина не дается, и читатель отсылается к работам по данной тематике, главным образом по Мезоамерике. Этот вопрос крайне важен — а что же такое «сложные общества»? Каковы критерии их выделения? В археологических словарях и справочниках, которыми чаще всего пользуются англоязычные исследователи (см., напр.: Fagan 1996; Shaw, Jameson 1999; Bahn 2001; Darvill 2002), этот термин отсутствует. Если под «сложными обществами» понимаются коллективы, имевшие социальную иерархию и элитную прослойку, то при желании подобные черты можно найти уже в верхнем палеолите (богатые погребения типа Сунгиря; портативное и наскальное искусство; престижные объекты типа *batôn de commandement*). В то же время еще во время Великих географических открытий (XV–XIX вв.), а в некоторых труднодоступных районах Земли (бассейн р. Амазонки, Юго-Восточная Азия, Новая Гвинея) и в середине XX в. исследователи неоднократно находили племена, у которых не было никаких признаков социальной иерархии в контексте «сложных обществ». Так как же определяется этот термин?

Четкого объяснения данного феномена нет с самого начала подобных исследований (см., напр.: Mayer-Oakes 1963). В настоящее время под ранними «сложными обществами», особенно в Китае, понимаются носители тех археологических культур, в которых существовали (причем не всегда!) поселения со стенами и рвами; иерархическая структура поселений (большие — средние — малые); общественные здания и резиденции элиты, на сооружение которых требовались значительные трудозатраты; погребения с богатым инвентарем, свидетельствующим о социальном неравенстве; разделение труда (специализация), с обеспечением ремесленников производителями пищи; связь между ритуалом и насилием (человеческие жертвоприношения) (см., напр.: Nelson 1997; Peterson et al. 2010; Allard 2014). Эти общества определяются как «вождества» [chiefdoms], т. е. находящиеся на *предгосударственном* уровне развития.

Близкое к «сложному обществу» понятие «политическая сложность» [political complexity] понимается как формы социальной организации, характеризующиеся наличием политических постов и институтов, иерархической структурированностью обмена информацией и принятия решений (см. Covey 2008). Как будет видно дальше, ничего подобного в комплексах неолита и бронзы Китая (за исключением периода Поздняя Шан) неизвестно.

Эти замечания и рассуждения отнюдь не являются отвлеченной теоретической дискуссией, поскольку мне представляется, что уже на ранней стадии работы над текстами глав была поставлена задача: «Ищите “сложные общества” в археологическом материале!», чему авторы и следовали. Таким образом, изначально в угоду господствующей сегодня в англо-американской археологии и антропологии парадигме изучения доисторических обществ (с упорными поисками их так называемой «сложности», часто во вред имеющейся фактуре) в книге была задана *предвзятость*. Она, по моему мнению, сильно помешала решению главной задачи подобных сводок — представлению фактического материала и его объективной интерпретации.

Обращают на себя внимание географические лакуны в представлении данных: отсутствуют западные регионы (Синьцзян, Ганьсу, Цинхай–Тибет); очень мало информации о древних культурах Северо-Востока (Маньчжурии) и Внутренней Монголии, хотя существует сводка по неолиту и эпохе бронзы этих регионов на английском языке (см. Nelson 1995); не рассматриваются провинции Гуйчжоу и Юньнань; Нинся-Хойский и Гуанси-Чжуанский автономные районы.

Автор главы уверенно говорит о государствах Эрлитоу и Шан — «Erlitou and Shang states» (с. 7). Хочу заметить, что если последнее еще можно с определенной натяжкой назвать государством (при этом только Позднюю Шан), то к комплексу эрлитоу понятие «государство» совершенно не применимо (см., напр.: Кузьмин 2014: 567–571). Итак, уже в самом начале сборника появляются пассажи, которые можно отнести к категории *wishful thinking*.

Глава 2 («Лишенный одеждего цивилизации»: проблемы и прогресс в управлении археологическим наследием Китая, автор Р. Е. Муровчик [R. E. Murovchick]) посвящена животрепещущим аспектам сохранения культурного наследия древнего и средневекового Китая. В ней дан обстоятельный обзор современного состояния дел в области охраны археологических памятников и предотвращения контрабанды предметов искусства и древней истории. Приводятся неутешительные данные (с. 14): так, 220 тыс. древних погребений ограблено в течение всего шести лет (1998–2003 гг.), и их содержимое было нелегально переправлено на международный рынок древностей. В качестве вопиющего примера

приводится случай, когда в 1994 г. на западе пров. Хэбэй грабители проникли в гробницу периода Пяти Династий (X в. до н. э.) с помощью динамита, а затем молотками и стамесками отделили от стен подземного коридора мраморные рельефы. В главе также дается краткий очерк истории вывоза древностей европейскими и американскими археологами и историками в конце XIX — начале XX в.; упоминается о робких попытках американских активистов в начале XX в. остановить нелегальный вывоз из Китая антиквариата и шагах китайских правительств в 1920–1930-е гг., направленных на предотвращение разграбления культурных сокровищ. Вслед за этим дан обзор законодательных актов и инициатив, принятых после образования КНР (1949 г.) в области защиты культурного наследия, и очерк о международной деятельности по предотвращению нелегальных вывоза и продажи археологических и исторических ценностей.

В качестве других явлений и процессов, угрожающих сохранению культурного наследия Китая, упоминаются: 1) широкомасштабное жилищное и промышленное строительство (согласно обследованию, проведенному в 1982 г., около 31 тыс. известных археологических памятников исчезло в результате застройки без предварающих спасательных раскопок); 2) реконструкция крупных городов (прежде всего Пекина), сопровождающаяся полным разрушением древних стен и ворот; храмов, дворцов и вилл династий Мин и Цин; а также кварталов одноэтажной застройки (хутонг [hutong]), придававших определенный колорит старым пекинским районам; 3) строительство огромных водохранилищ в бассейне р. Янцзы (проект «Плотина Трех Ущелий» [Three Gorges Dam]) — несмотря на проведение масштабных спасительных раскопок в зонах затопления, многие памятники оказались утеряны; 4) большой спрос на антиквариат со стороны «новых богатых» китайского общества; упоминается анекдотический случай: в 2011 г. некий угольный магнат, раздосадованный тем, что не смог попасть на экскурсию в гробницу императора Канси [Kangxi] в пров. Хэбэй, являющаяся музеем, в гневе предложил... продать ему весь комплекс за 100 млн юаней (примерно 15,4 млн долларов США).

Глава 3 (Раннеолитические экономические и социальные системы в бассейне р. Ляохэ, Северо-Восточный Китай, авторы Г. Шелач [G. Shelach] и М. Тен [M. Teng]) содержит информацию о раннеземледельческих культурах синлунва [Xinglongwa] и чжаобаогу [Zhaobaogou] в провинциях Ляонин и Внутренняя Монголия; как одну из главных задач авторы ставят поиск корней «сложных обществ». Культура синлунва, согласно радиоуглеродным (далее — ^{14}C) данным, датируется около 7500–5100 ^{14}C лет назад (далее — л. н.) (с. 40), или около 6000–3800 лет до н. э., но не 6200–5400 лет до н. э., как считают авторы (с. 40). Культура чжаобаогу имеет возраст около 6200–5900 л. н. (или 5300–4600 лет до н. э.). Упоминается о находках пряслиц в культуре синлунва (с. 43); насколько мне известно, они присутствуют только на более поздних памятниках культур нижняя хоува [Lower Houwa] и нижняя сяцзядань [Lower Xiajiadian] (см. Nelson 1995: 65–88, 89–117), и возраст стоянок с пряслицами не превышает 5600 л. н. (см. Kuzmin et al. 2012). Возможно, новые раскопки дали материалы, которые были неизвестны ранее, однако прямых указаний на это нет.

В отношении земледелия в неолите бассейна р. Ляохэ дается ссылка на китайскую работу Чж. Чжяо [Z. Zhao] 2004 г. (с. 45), хотя этому автору принадлежит обобщающая статья на английском языке (см. Zhao 2011). В списках литературы в данном томе присутствуют ссылки на источники вплоть до 2012 г., поэтому статья Чж. Чжяо 2011 г. была (или должна была быть) известна авторам

во время подготовки главы к печати. Также есть ряд представительных публикаций китайских и британских исследователей по раннему земледелию этого региона (Hunt et al. 2008; Liu et al. 2009), но они почему-то даже не упомянуты. Это идет вразрез с одной из объявленных в гл. 1 целей (см. выше). Причина, видимо, в том, что глава сфокусирована на китайоязычных публикациях, что для международной читательской аудитории — не преимущество, а явный недостаток.

Авторы упоминают о самом раннем на севере Китая памятнике с керамикой — Нанчжуантоу [Nanzhuangtou] (с. 46, 50), и цитируют самую древнюю ^{14}C дату, связанную с этим керамическим комплексом — 10510 ± 110 л. н. Они, вероятно, не знают, что в Китае подсчет ^{14}C дат во многих лабораториях идет с использованием величины полураспада ^{14}C , равной 5730 лет, тогда как практически во всем остальном мире эти расчеты (во избежание путаницы с полученными ранее датами; см. Stuiver, Polach 1977; Mook, van der Plicht 1999) ведутся для значения, равного 5570 лет. Поэтому ^{14}C даты китайских лабораторий нужно пересчитывать (путем их деления на величину, равную 1,03), что делается как китайскими специалистами (см. Radiocarbon... 1991; Wu, Zhao 2003), так и другими исследователями (см. Kuzmin 2006: 363). Только после этого их можно сравнивать с ^{14}C датами других лабораторий (см., напр.: Кузьмин 2013), чего Г. Шелах и М. Тен не сделали, чем совершили методическую ошибку. По моим данным (Кузьмин 2013; Kuzmin 2013), календарный интервал для ^{14}C даты 10210 ± 110 л. н. (BK-87075) (соответствует «китайской» дате 10510 ± 110 л. н.) стоянки Нанчжуантоу составляет 9450–10430 лет до н. э., а у авторов главы получается 10300–10760 лет до н. э.; мне же приписывается дата 9350–10650 лет до н. э., или 12600–**119300** календарных лет назад (с. 50), с явной опечаткой — должно быть **11300!**

Приводя данные о самом раннем земледелии в комплексе синлунва, авторы высказывают сомнение в том, что просо составляло значительную часть структуры питания (с. 47). Они также упоминают о результатах определения стабильных изотопов углерода в коллагене костей носителей этой культуры, цитируя китайскую работу 2003 г. Замечу, что недавно появилось исследование на английском языке (Lui et al. 2012), почему-то не упоминаемое авторами, где убедительно показано, что просо составляло значительную часть (более 50–60 %) древней диеты.

В отношении поиска зарождения «сложных обществ» сделаны следующие выводы (с. 49–50): линейная планировка поселений культур синлунва и чжаобаогу свидетельствует о проявлении духа индивидуализма их обитателей, в отличие от многих других регионов Старого Света (включая долины рек Хуанхэ и Вэйхэ [Wei]), где планировка носит нуклеарный характер. Из этого следует, что для носителей культур синлунва и чжаобаогу религия, которая выступала в роли интегратора, могла иметь большее значение, чем для обитателей неолитических поселений расположенных к югу от Ляонина долин Хуанхэ и Вэйхэ. Натянутость этих рассуждений очевидна.

Глава 4 (Понимание социальной динамики периода хуншань, авторы К. Е. Петерсон [C. E. Peterson] и С. Лю [X. Lu]) посвящена анализу поселений и социальной иерархии позднеолитической культуры хуншань [Hongshan]. Перед авторами стояла задача показать, что комплекс хуншань (возраст 4500–3000 лет до н. э.) несет в себе свидетельства первых ясных шагов в сторону сложной социальной, политической и экономической организации (с. 56). Решить ее, как мне представляется, не удалось. Церемониальные памятники культуры

хуншань — хорошо известные храмовые комплексы Нюхелянь [Niuheliang] — являются, по мнению авторов, одними из ключевых объектов в понимании социальной структуры. Однако факты упрямы: погребений с редкими нефритовыми изделиями (как знаками социальной иерархии) известно очень мало; их точное количество не приводится. Из этого каким-то образом следует вывод о том, что даже в этом случае общество нельзя считать эгалитарным (с. 60).

В отношении хуншаньских поселений можно сказать, что и здесь нет явных следов «сложного общества». Не наблюдается иерархической структуры в расположении стоянок (с. 63), однако вывод из этого следует такой — в центрах ряда районов компактного расположения памятников установлена некоторая концентрация погребальных и непогребальных платформ, что дает более надежные данные о социальной иерархии. При этом отмечается, что такие центры не были интегрированы политически (с. 64). Так же невнятно выглядит попытка найти социальную иерархию в бедном инвентаре могильнике Нантайжи [Nantaizi] (с. 67). В одном погребении найдено 10 предметов, в другом — 7, в третьем — 4, в четвертом — вообще ни одного. И хотя авторы пишут о том, что ни одно из погребений нельзя назвать богатым, разное количество утилитарных изделий позволяет им предположить различия в благосостоянии. Вероятно, К. Е. Петерсон и С. Лю для подтверждения таких выводов действуют способом, который можно описать так: «Если данных нет, но нужен результат, то он все равно будет получен; тем хуже для данных». Очевидно, что глава 4 насыщена выводами в духе *wishful thinking*.

В главе 5 (Культура нижняя сяцзядянь в западной части бассейна р. Ляохэ, автор Л. Ван [L. Wang]) характеризуются различные аспекты одной из культур эпохи ранней бронзы (около 2050–1450 лет до н. э.): топография памятников; внутренняя структура поселений; распределение памятников в пространстве; свидетельства ритуальной деятельности; погребальные комплексы; экономика. Отмечается, что в культуре нижняя сяцзядянь существовало разделение труда, однако специализированные мастерские отсутствовали (с. 97). Автор признает, что наблюдается очень слабая степень иерархичности в размерах стоянок (с. 90), и нет больших сооружений типа дворцов или храмов (с. 97). Что касается изготовления бронзовых артефактов, то следы производства металла в виде литейных форм очень редки (с. 95). По моему мнению, большинство изделий из бронзы вполне могло быть импортировано с Центральной равнины.

В главе 6 (Культура циззя в верхней части долины р. Хуанхэ, автор Х. Чен [H. Chen]) дается описание комплекса циззя [Qijia]. Эта культура эпохи бронзы существовала около 2300–1500 лет до н. э. Ее носители занимались земледелием (просо), скотоводством (свинья, овца, корова, собака, лошадь), выплавляли бронзу (переход от холодной обработки меди к отливке бронзовых изделий), изготавливали текстиль (вывод сделан на основании находок отпечатков тканей на керамике). На памятниках этой культуры находят раковины морских моллюсков, обитающих в Южно-Китайском море и в Индийском океане, что свидетельствует о существовании системы дальнего обмена. Также дается информация о новых исследованиях культуры циззя, в частности, о раскопках погребений. Автор главы на основании того, что наблюдается различие между мужскими (более богатыми) и женскими (беднее, чем мужские) погребениями, делает вывод о существовании в культуре циззя кланового патриархального общества (с. 111). На мой взгляд, в этом заключении, направленном на поиск раннего «сложного общества», есть некоторый элемент *wishful thinking*.

Глава 7 (Неолит бассейна Сычуань, автор Р. Флад [R. Flad]) посвящена неолитическим комплексам двух районов — Трех Ущелий [Three Gorges] и равнины Чэнду [Chengdu Plain]. В первом из них установлена последовательность неолитических культур: чэнбейси [Chengbeixi] (7200–5000 лет до н. э.) — дайси [Daixi] (4300–3300 лет до н. э.) — шаопензю [Shaopengzui] (III тыс. до н. э.) — нижняя лаогунмяо [Lower Laoguanmiao] (вероятно, II тыс. до н. э.). В отношении поиска корней «сложных обществ» автор отмечает, что для района Трех Ущелий имеется очень мало данных о погребениях, а также делает вывод о том, что явно выраженная политическая структура в неолите этого региона отсутствовала (с. 130).

На равнине Чэнду немногочисленные неолитические памятники датируются концом 4-го — началом 3-го тыс. до н. э., а наиболее хорошо изученной является культура баоду [Baodu], существовавшая около 2700–1750 лет до н. э. Ее отличительной чертой являются поселения с земляными стенами; на опорной стоянке Баоду ограниченное внутренней стеной пространство занимает 66 га, а недавно (в 2009 г.) открыта внешняя стена, огораживающая территорию площадью 220 га (с. 133). Автор отмечает, что неясно, для чего использовалось пространство между стенами — возможно, для земледелия. Помимо стен по внешней границе, на стоянках отмечены архитектурные детали — внутренние стены, ограничивающие улицы.

Появление поселений со стенами Р. Флад рассматривает как индикатор развития социополитической сложности [sociopolitical complexity] (с. 137), однако отмечает, что есть и другие интерпретации факта сооружения стен, в частности — контроль половодий. Хочу заметить, что стены (из сырцового кирпича) известны в археологии Азии гораздо раньше (классический пример — Иерихон, 8-е тыс. до н. э.), и при этом они не рассматривались в качестве показателя «сложных обществ» (см., напр.: Мелларт 1982).

Нужно отметить, что Р. Флад недавно опубликовал две монографии, касающиеся археологии пров. Сычуань (Flad 2011; Flad, Chen 2014). Глава 7 хорошо сбалансирована в отношении фактов и сделанных из них выводов, что является несомненной заслугой автора.

Глава 8 (Культура санхиндю бассейна Сычуань, автор Х. Сун [H. Sun]) освещает археологию стоянок Санхиндю [Sanxingdui] и Чжинша [Jinsha] на равнине Чэнду. Первая из них, как опорный памятник одноименной культуры эпохи бронзы (1750–1200 лет до н. э.) является большим протогородским центром со стенами, занимающим площадь в 3,5 км². Поселение возникло на месте более ранней стоянки культуры баоду (без каких-либо стен). На его территории найдены многочисленные изделия из керамики, бронзы и нефрита, остатки сооружений типа храмов. Автор делает вывод о том, что у жителей был культ солнца, а сам объект представлял собой столицу некоего государства (с. 159). Что касается религиозных культов, в качестве подтверждения приводятся записи из древней книги, датированной 317–420 гг. н. э. (с. 164). Здесь, по моему мнению, автор совершает серьезную методическую ошибку — он пытается соединить сравнительно поздние *письменные* источники с гораздо более ранними *археологическими* данными; впрочем, для китайской археологии такой прием весьма типичен (см. обзор: Falkenhausen 1993).

Кратко охарактеризован другой протогородской центр — Чжинша, относящийся к более поздней культуре шиеркао [Shi'erqiao] (1000–800 лет до н. э.). Автор считает его следующей столицей данного региона, хотя на памятнике

не выявлено следов стен (с. 164). Здесь мы имеем хорошую иллюстрацию работы принципа *wishful thinking*.

Глава 9 (Ранний неолит в центральной части долины р. Хуанхэ, около 7000–4000 лет до н. э., автор Я. Жу [Y. Zhu]) характеризует ряд аспектов (экономика, ремесло, социальная организация) раннекерамических комплексов этого ключевого региона Китая; основное внимание сосредоточено на культурах средней и поздней фаз этого периода (5500–4000 лет до н. э.). Кратко охарактеризована ранняя фаза на примере стоянки Личжягоу [Lijiagou] (7000–5500 лет до н. э.); подчеркивается, что следов земледелия не обнаружено, но поскольку в последующей культуре пэйлиган [Peiligang] культивация растений носит весьма развитый характер, следует вывод о том, что и люди раннего периода могли быть знакомы с земледелием — метод *wishful thinking* в действии.

Средний период (5500–4500 лет до н. э.) представлен культурами пэйлиган и цышань [Chishan], которые рассматриваются вместе. Характерной чертой этих комплексов является земледелие на основе проса; при этом автор ссылается на отчет о раскопках, опубликованный на китайском языке, хотя существует сводная (пусть и краткая) работа на английском языке (Barton et al. 2009), где, кстати, есть ссылка на китайский отчет. Что касается назначения около 50 тыс. кг проса (оценка на основе находки его обугленных зерен на стоянке Цышань, с. 174), делается вывод, что такое большое скопление этого злака использовалось для ритуальных целей. Доводы в пользу этого явно неубедительны (с. 174).

В отношении скотоводства в культурах пэйлиган — цышань подчеркивается, что их носителям были известны следующие домашние животные: собаки, свиньи, коровы и овцы (с. 177). Для стоянки Байчжа [Baijia] культуры лаогуантай [Laoguantai], также относящейся к средней фазе, упоминается о домашних курицах и быках. В последнее время появились работы, в которых делается вывод о независимой доместикиции курицы (Xiang et al. 2014) и быка (Zhang et al. 2013) в Китае. Ранее считалось, что одомашнивание курицы произошло в Южной и Юго-Восточной Азии (см., напр.: Eriksson et al. 2008; Deng et al. 2013). Автор главы совершенно не упоминает о масштабном проекте по изучению процесса появления домашних свиней (см., напр.: Cucchi et al. 2011); кстати, в списке литературы к данной главе вообще нет англоязычных источников. Что касается коровы и овцы, есть серьезные данные в пользу того, что их доместикиция произошла на Ближнем Востоке (см. обзор: Larson, Fuller 2014), а не в Китае. Таким образом, многие вопросы, касающиеся механизмов появления в Китае домашних животных, требуют дополнительных исследований (см. также: Campbell 2013), что признает и автор главы (с. 177).

В плане социальной организации культур пэйлиган — цышань делается вывод о том, что общество имело семейную и клановую структуры (с. 181), однако в отношении обеспеченности благами разница была минимальна, т. е. общество носило эгалитарный характер.

Для поздней фазы, представленной в основном культурой баньпо [Banpo] (ранее относимой к фазе баньпо культуры яншао [Yangshao]) (около 4500–4000 лет до н. э.), прослеживаются практически те же черты, что и для средней фазы. Наиболее интересно присутствие небольших литых изделий из бронзового сплава (латуни) — куска диска и трубочки (с. 185); отмечается, что они, скорее всего, не имели практической функции (с. 189). Автор также приводит информацию о находках бронзовых изделий на других, более поздних неолитических стоянках Китая — фрагмента сосуда на памятнике Бейлю [Beiliu]

в пров. Шэньси, относимого к культуре мяодигоу [Miaodigou], около 3500 лет до н. э.; бронзового ножа на стоянке Линьчжа [Linjia] в пров. Ганьсу, культура мацзяо [Majiaoyao], возраст — около 3050 лет до н. э. (см. также: Кузьмин 2014: 567). Однако, по моему мнению, не следует принимать эти данные на веру; информация о возрасте древнейших металлических изделий нуждается в тщательной проверке, как это недавно показано на примере Балкан (см. Radivojević et al. 2013, 2014; Šljivar, Borić 2014).

Глава 10 (Стоянка Чжяху в долине реки Хуайхэ, авторы Ю. Жан [J. Zhang] и К. Кю [Q. Cui]) содержит развернутое описание уникального объекта — неолитического памятника Чжяху [Jiahu] в пров. Хэнань, принадлежащего к культуре пэйлиган. Авторы считают, что влияние изменявшихся климатических условий на жизнь древних людей и их экономику было существенным (с. 197). Но насколько? Палеоклиматические данные показывают, что среднегодовая температура колебалась от 1,4–1,7 °С выше до 0,1 °С ниже современной, т. е. в интервале менее 2 °С. На мой взгляд, такие изменения природной среды не могли оказать *значительного* воздействия на древних обитателей Чжяху. Что касается социальной стратификации, авторы стараются найти следы расслоения общества, но так и не находят: «Общество все еще находилось на стадии относительного равенства» (с. 204). Интересны данные о получении каменного сырья (с. 205): если песчаник и вулканические породы собирались недалеко от стоянки, то источники материалов для изготовления украшений (флюорит и бирюза) находились на расстоянии не менее 100 км от памятника, что говорит о контактах с достаточно удаленными территориями. Это подтверждает анализ содержания изотопов стронция в зубной эмали из погребений; согласно им, около 36 % людей прибыли из местностей, отстоящих от Чжяху примерно на 100 км (с. 206–207).

Некоторые важные находки (панцири черепах со знаками; музыкальные инструменты) и их интерпретация заслуживают особого внимания. Авторы полагают, что знаки на черепаховых панцирях, которые никогда не рассматривались как прямое свидетельство ранней письменности (см., напр.: Li et al. 2003), связаны с ритуалом гадания (с. 210), что вполне возможно. Однако они идут дальше и пишут, что знаки из Чжяху имеют отношение к происхождению письменности, а также играют важную роль в развитии китайской цивилизации (с. 209). Последний из выводов можно смело отнести к области *wishful thinking*. В отношении трубочки с дырками (см., напр.: Zhang et al. 1999), которая позиционируется как самый ранний в мире хорошо сохранившийся музыкальный инструмент (с. 210), нужно заметить, что этот тезис не соответствует действительности. В Центральной Европе известны сравнительно хорошо сохранившиеся музыкальные инструменты начала верхнего палеолита (см., напр.: Conard, Bolus 2003).

В главе 11 (Поздний неолит в центральной части долины р. Хуанхэ, около 4000–3000 лет до н. э., автор С. Ли [X. Li]) дан обзор культуры мяодигоу (4000–3300 лет до н. э.). Отмечается, что первые памятники культуры яншао открыл в 1921 г. шведский исследователь Й. Андерссон [J. Andersson], что замалчивается в другой недавней сводке (Lui, Chen 2012; см. Кузьмин 2014). Основное содержание главы — поиски свидетельств существования «сложных обществ». Какие же аргументы в пользу этого приводит автор?

В первую очередь, следы «сложных обществ» ищутся в конструкции жилищ. Так, для одного из них площадью около 200 м² (с окружающими его коридорами, занимающими еще 300 м²) подсчитано, что на сооружение жилища нужно

было потратить около 9500 человеко-часов, т. е. 100 человек должны были трудиться в течение трех месяцев. Автор делает вывод, что такие значительные по размерам постройке имели ритуальную функцию — они были местами проведения специальных церемоний; правда, неясно — каких (с. 223). А это так или иначе означает, что в данном обществе уже имела место «социальная сложность» (с. 218). Следующий аргумент — наличие иерархии поселений: большие — средние — малые (с. 218). Убедительно? Нет, не очень! Третий довод — существование погребений с богатым инвентарем. В качестве «богатства» рассматриваются керамические сосуды и урны, тесла и украшения из нефрита, костяные заколки для волос, браслеты из слоновой кости; размеры у таких погребений больше, чем у других (с. 220). Однако подобных могил — всего две из 34 (6 %). Много это или мало? Наверное, мало; в любом случае, недостаточно для выводов о существовании элиты, которая контролировала общественные церемонии и обмен сырьем на большие расстояния.

В поисках «сложных обществ» автор порой так увлекается, что допускает явные просчеты. Так, на основании изучения стабильных изотопов азота в коллагене костей он делает вывод, что величина $\delta^{15}\text{N}$, равная 12,5 промилле (не процентов, как это ошибочно указано на с. 224), говорит о повышенном потреблении элитой мяса. Однако, как это следует из имеющихся сводок (см., напр.: Pechenkina et al. 2005; Svyatko et al. 2013), такое значение $\delta^{15}\text{N}$ говорит скорее о несколько увеличенном потреблении пищи более высокого трофического уровня, чем мясо животных — например, речной рыбы, но это вряд ли можно отнести к специфике питания только элиты.

Точка зрения автора главы не соответствует выводам других исследователей (см. Lui, Chen 2012), которые не обнаруживают в культурах яншао (комплекс мяодигоу соответствует ее средней фазе) и давенькоу следов явного социальной расслоения (см. Кузьмин 2014: 565). После завершения существования этой культуры наступает коллапс «сложного общества» (с. 231). Так было ли оно вообще? По моему мнению, не было.

Глава 12 (Культура луншань в центре провинции Хэнань, около 2600–1900 гг. до н. э., автор Ч. Чжао [C. Zhao]) посвящена анализу позднего неолита Центральной равнины. Автор утверждает, что время существования культуры луншань [Longshan] — 2600–1900 лет до н. э., и она на поздней стадии сосуществовала с комплексом эрлитоу (с. 238). По другим данным, последний датируется около 1900–1500 лет до н. э. (Liu, Chen 2012), и перекрытия практически нет (см. Кузьмин 2014: 568). Отчетливо видны поиски признаков «сложных обществ», но фактов в пользу этого явно недостаточно. Так, увеличение количества луншаньских памятников в 2,5 раза по сравнению с предшествующей культурой яншао (с. 242) говорит лишь о приросте населения, а не об усложнении структуры общества; наличие поселений со стенами (с. 243–247) также не является прямым признаком «социальной сложности». Однако автор делает следующий вывод: поселения со стенами означают коллапс племенной системы и приближение эпохи цивилизации (с. 247). Отмечается и появление изделий из бронзы (с. 250). Заключение автора главы таково: стены, погребения, изделия тонкой работы отражают явную дифференциацию в социальном положении людей, и все это означает появление цивилизации (с. 251).

Глава 13 (Период луншань на стоянке Таоси, юг провинции Шаньси, автор Н. Хе [N. He]) содержит описание археологии и планиграфии большого поселения позднего неолита Таоси [Taosi] (2300–1900 лет до н. э.), занимавшего

площадь около 300 га. Главная цель главы — охарактеризовать функции различных частей памятника: стен, «королевского» некрополя, района дворцов, ритуальных сооружений, хранилищ; они относятся главным образом к расцвету поселения в среднем периоде (2100–2000 лет до н. э.). Анализировать эту главу трудно, так как она целиком написана в стиле *wishful thinking*; ниже даются лишь краткие замечания.

Главный вывод автора — стоянка Таоси выявила развитие общества уровня государства в среднем течении р. Хуанхэ в период луншань (с. 273). Что же приводится в качестве аргументов в пользу существования государства в позднем неолите? Во-первых, иерархия поселений: столица — город — городок — деревня. Во-вторых, планировка Таоси: в середине расположен «королевский» дворец, вокруг него — храмы и хранилища запасов. В-третьих, «королевский некрополь» и астрономическая обсерватория. Как можно видеть, ни один из этих фактов не подтверждает основную посылку автора. Отмечается, что в позднем периоде (2000–1900 лет до н. э.) многие воздвигнутые ранее структуры (в частности, стены) были разрушены; почему же тогда уцелел «королевский» некрополь, который должен быть первой мишенью новой власти для уничтожения самой памяти о прежних правителях? Ответа на этот вопрос нет. Читателю будет полезно получить свежую информацию об объекте Таоси, но любой серьезный исследователь вряд ли согласится с выводом о государстве в эпоху позднего неолита.

Глава 14 (Производство полированных каменных орудий на стоянках Таоси и Хюжю: сравнение, авторы Л. Лю [L. Liu], Ш. Чай [S. Zhai] и С. Чен [X. Chen]) рассматривает частный вопрос археологии периодов луншань и эрлитоу — сырье для производства орудий на двух больших поселениях, Таоси (возраст 2500–1950 лет до н. э.) и Хюжю [Huizui] (2500–1600 лет до н. э.). Главный вывод авторов: определенные лица осуществляли контроль над доступом к литоресурсам, однако нет свидетельств того, что элита напрямую контролировала производство и распределение каменных полированных изделий (с. 295). Остается непонятным — кто же были те лица, которые якобы обладали контролем над источниками сырья?

В главе 15 (Культура эрлитоу, автор Х. Сю [H. Xu]) дается представительный обзор комплекса эрлитоу, существовавшего (по мнению автора) около 1850–1550 лет до н. э. Нужно сразу отметить, что по данным ¹⁴C анализа период эрлитоу (эпоха Ся [Xia]) датирован около 2100–1600 лет до н. э. (Guo et al. 2000; см. также Кузьмин 2014: 568). Автор главы считает, что комплекс эрлитоу представлял собой первое государство в Китае, что противоречит точке зрения других исследователей (см., напр.: Liu, Chen 2012). Также отмечается, что больших погребений, могущих быть королевскими, на памятнике Эрлитоу не найдено (с. 314). В итоге сделан вывод о том, что при отсутствии письменных источников доказать существование государства Ся невозможно, но все-таки памятник Эрлитоу, вероятно, был центром первого государства в Китае (с. 318). К сожалению, и здесь не обошлось без *wishful thinking*.

На основании находки колесной колеи на древней дороге к югу от дворца делается вывод о возможности существования двухколесного транспорта и домашней лошади в эпоху эрлитоу (с. 308). Однако тут же отмечается, что, согласно зооархеологическим данным, находки лошади в Китае известны лишь в эпоху Поздняя Шан. Таким образом, этот вывод не является доказанным.

Глава 16 (Открытие и изучение культуры Ранняя Шан, автор Г. Юань [G. Yuan]) посвящена периоду, с которым отождествляется эпоха эрлиган [Erligang] (около

1600–1300 лет до н. э.). Рассматриваются следующие аспекты: система расселения; транспорт и коммуникации; погребения и социальная стратификация (отмечается, что гробницы раннешанских «королей» еще не найдены, с. 334); экономика; символика. На последней нужно остановиться более подробно. Как и многие китайские исследователи (но не все: см. Lui, Chen 2012: 294–295), автор считает знаки на гадальных костях и керамике свидетельствами существования письменности (с. 337–340). Однако он же отмечает, что кость с одним из самых известных «текстов» была найдена в 1953 г. в *нарушенном* слое (с. 337). Знаки на керамике со стоянки Тайси [Taixi] (с. 338), по моему мнению, близки по исполнению к гораздо более древним символам неолитической стоянки Чжяху (см. Li et al. 2003: 37–38). Таким образом, вывод о том, что в эпоху Ранняя Шан древняя китайская письменность была весьма развитой (с. 339), следует отнести к области *wishful thinking*.

Глава 17 (Новые открытия и некоторые мысли о ранней урбанизации в Аньяне, авторы Ж. Цзин [Z. Jing], Ч. Тан [J. Tang], Дж. Рапп [G. Rapp] и Дж. Столтман [J. Stoltzman]) содержит информацию о новых исследованиях в районе Аньяна [Anyang], где расположена Юиньсю [Yinxu] — столица государства Поздняя Шан (1250–1046 гг. до н. э.). Авторы также кратко характеризуют более ранний город Хуанбей [Huanbei], расположенный рядом с Юиньсю, но существовавший в эпоху Средняя Шан (XIV в. до н. э.). В главе дано подробное описание различных частей города Юиньсю: королевского некрополя (все его гробницы были разграблены в древности); некрополя принцев (на нем в последние годы найдены нетронутые богатые погребения); могильников простолюдинов; района дворцов и храмов. Глава хорошо сбалансирована.

Глава 18 (Археология провинции Шаньси в период Юиньсю, авторы Ю. Ли [Y. Li] и М. Хван [M. Hwang]) характеризует археологические памятники эпохи Поздняя Шан в данном регионе, с фокусом на бронзовые изделия. Авторы считают, что Ли Жчи [Li Ji] (1896–1979) был первым китайским археологом, который провел раскопки в Китае, и это имело место в Шаньси в 1926 г. (с. 368). По другим данным, начало исследований собственно китайских ученых было положено в 1928 г. раскопками в Аньяне (глава 17, с. 345; см. также: Liu, Chen 2012).

Глава 19 (Культуры хоули и бэйсин, автор Ф. Ван [F. Wang]) рассматривает две культуры развитого неолита восточного Китая. Комплекс хоули [Houli] носит смешанный характер в плане экономики: основными занятиями населения около 6600–5600 лет до н. э. были охота и собирательство; на одном памятнике обнаружены немногочисленные обугленные зерна проса. Домашние животные представлены свиньей и собакой. Найдено несколько изделий из нефрита, однако автор не склонен рассматривать их как престижные изделия. Интересны данные о присутствии рва (длиной около 1130 м, от 4–6 до 19–40 м шириной и 2,5–5 м глубиной) на поселении Сяоцзиньшан [Xiaojingshan], окружающего территорию около 5 га. На основании анализа поселений и погребальных комплексов сделан вывод об эгалитарном характере общества (с. 398). В качестве предка культуры хоули предлагается раннеолитический памятник в пещере Бьянбьяндон [Bianbiandong], датированный около 7000–9000 лет до н. э. (с. 399); по моему мнению, возраст нуждается в уточнении.

Следующая за хоули культура бэйсинь [Weixin] (5000–4100 лет до н. э.) сходна с ней, однако для последней известно больше находок культурных растений (проса); возможно, люди также выращивали в небольших количествах рис. Интересны данные о присутствии производства текстиля (с. 402), однако никаких

деталей или ссылок на источники нет. Нужно отметить, что китайские археологи уделяют слишком мало внимания ранним (неолитическим) находкам текстиля (см. Kuzmin et al. 2012: 326). Общество культуры бэйсинь имело эгалитарный характер (с. 407).

Глава 20 (Культура давэнькоу в нижнем течении р. Янцзы и в бассейне р. Хуайхэ, автор Ф. Луань [F. Luan]) дает представление об экономике, структуре поселений и производстве керамики комплекса давэнькоу [Dawenkou] (4200–2700 лет до н. э.). Эта культура имела многоплановое хозяйство, включая земледелие, скотоводство, охоту, рыболовство и собирательство.

Автор явно хочет найти свидетельства существования «сложных обществ». Какие же аргументы он приводит? Во-первых, наличие поселений с земляными стенами в позднем периоде (3100–2700 лет до н. э.); во-вторых, ремесленную специализацию; в-третьих, существование рисовой диеты у индивидуумов высокого ранга; в-четвертых, наличие иероглифических знаков. О двух последних аргументах стоит сказать подробнее. Общеизвестно, что установить долю именно риса в питании населения, используя соотношение стабильных изотопов углерода ($\delta^{13}\text{C}$) в коллагене костей, практически невозможно, так как такой же изотопный «сигнал» дают другие растения с фотосинтезом типа C_3 , а также мясо наземных животных (см., напр.: Atahan et al. 2014). В отношении знаков на керамике отмечу, что их всего десять, и этого явно недостаточно для существования письменности!

Автор главы делает вывод о том, что культура давэнькоу находилась на уровне либо государства, либо сложного вождества (с. 422). Предвзятость и использование принципа *wishful thinking* очевидны.

Глава 21 (Культура луншань в провинции Шаньдун, автор Б. Сун [B. Sun]) посвящена истории исследования и экономике комплекса луншань позднего неолита (около 2700–2100 лет до н. э.). Автор рассматривает внутреннюю структуру на примере объекта Тонлин [Tonglin] общей площадью около 230 га, а также географию луншаньских памятников. Из этого делается вывод о том, что пространственная структура в юго-восточном Шаньдуне (с двумя центрами, контролировавшими прилегающие к ним территории) очень сходна с таковой для эпох государств Западная Чжоу [Western Zhou] и Восточная Чжоу [Eastern Zhou] (1046–500 гг. до н. э.), а значит, в луншаньское время тоже могли существовать государства (с. 452–453). Недоказанность этого заключения очевидна, а проекция данных исторической эпохи в прошлое есть типичная ошибка.

В главе 22 (Изучение серпов типа *лиань* и ножей типа *дао* на стоянке луншаньской культуры Лянченжен в юго-восточном Шаньдуне, автор Дж. Куннар [G. Cunnar]) рассматривается частный вопрос археологии позднего неолита — использование двух типов орудий (серп *лиань* [lian] и нож *дао* [dao]). В качестве объекта исследования выбрана стоянка Лянченжен [Liangchengzhen] среднего этапа культуры луншань (2300–2000 лет до н. э.). На основании трасологических, экспериментальных и этноархеологических работ установлено, что ножи дао из песчаника гораздо эффективнее для уборки риса, чем серпы лиань из риолита. Исходя из этого, автор использует частоту встречаемости этих типов орудий для разных фаз заселения стоянки Лянченжен и делает вывод о том, что в определенные периоды рис был главной сельскохозяйственной культурой (с. 467). Причины изменения степени интенсивности культивации риса и других культур (проса и пшеницы) неизвестны.

Глава 23 (Восточные территории государств Шан и Западная Чжоу: военная экспансия и культурная ассимиляция, автор Х. Фан [H. Fang]) содержит данные о взаимоотношениях между территориальными образованиями (polities) пров. Шаньдун и ранними государственными образованиями Центральной равнины (1600–800 гг. до н. э.). Возникнув на этой равнине, династия Шан начала завоевание соседних территорий, в частности, современного Шаньдуна. На памятнике Дасинчжуан [Daxinzhuang] на поверхности культурного слоя Поздней Шан (1250–1050 гг. до н. э.) обнаружена гадальная кость с надписью; это единственная находка такого рода за пределами позднешанской столицы Юиньсю (с. 483), и она подтверждает археологические данные об экспансии династии Шан на восток.

Глава 24 (Культура пэнтоушань в среднем течении р. Янцзы, автор А. Пей [A. Pei]) посвящена анализу материальной культуры (главным образом поселений, погребений и керамики) раннеолитической культуры пэнтоушань [Pengtoushan] (возраст 7200–4900 лет до н. э.). В качестве опорных памятников служат стоянки Пэнтоушань и Башидан [Bashidang] (7200–5200 лет до н. э.). Подчеркивается, что наличие рвов на объекте Башидан (с. 500, 502) связано, скорее всего, с функцией осушения территории. Автор утверждает, что носители культуры пэнтоушань выращивали рис (с. 501), однако существует точка зрения, что полностью domesticiрованные сорта риса появляются в Китае лишь в 5-м тыс. до н. э. (Fuller et al. 2007; см. также дискуссию: Fuller et al. 2008). Интересными являются данные о находке на стоянке Башидан изделий из тростника: матов и большой (длиной до 1 м) корзины, выполненных техникой плетения (с. 506–507). Если хронология стоянки верна, то это одна из наиболее ранних находок плетеных предметов в Восточной Азии; ранее корзины на стоянке Хигасимио [Higashimyo] в Японии были датированы около 6000 лет до н. э. (см. Kuzmin et al. 2012: 326). Данная глава хорошо сбалансирована.

В главе 25 (Культура цюйцзялин — шицзяхэ в среднем течении р. Янцзы, автор Ч. Чжань [C. Zhang]) дается предствление о хозяйстве и социальной структуре двух родственных культур позднего неолита пров. Хунань — цюйцзялин [Qujialing] и шицзяхэ [Shijiahe], возраст которых около 3000–2100 лет до н. э. Многие из поселений имеют земляные стены и рвы, что дает автору основание считать большие поселения (площадью до 110 га) городскими центрами. Однако упоминается, что в некоторых случаях у поселений нет рвов, а иногда и всего комплекса «валы — рвы», а находки остатков лодок могут свидетельствовать в пользу того, что рвы использовались для транспортировки грузов. Также отмечается, что нет надежных данных об уровне политической организации этих «городов» выше, чем полисы [polities] (с. 530).

При характеристике больших поселений со стенами («городов») количество рабочей силы, необходимой для сооружения памятника Чентоушань [Chengtoushan], оценивается как 200 000–470 000 человек (с. 518) (вероятно, имелась в виду трудозатраты в человеко-днях. — Я. К.). Автор считает, что постройка требовала труда 200 работников в течение 3–7 лет. Основной вывод главы: на основании того, что в период цюйцзялин — шицзяхэ функционировали города, которые сходны по структуре с более поздними городскими центрами (известными по письменным источникам), можно говорить о существовании в это время в среднем течении р. Янцзы государства (с. 531). Легко видеть, что для доказательства этого тезиса используется принцип *wishful thinking*.

Глава 26 (Памятник и культура кяхукяо, автор Л. Чжан [L. Jiang]) посвящена характеристике пространственной структуры и экономики весьма интересного объекта в пров. Чжэцзян — стоянки Кяхукяо [Kuañuqiao] развитого неолита (около 6100–5100 лет до н. э.). В это время уровень моря был ниже современного (см. Wang 1991; Zhao et al. 1995), и люди жили на прибрежной равнине, впоследствии затопленной водами моря; именно поэтому на данном объекте наблюдается отличная сохранность органических остатков. Обитатели стоянки занимались земледелием, рыболовством и охотой. Автор считает, что на памятнике Кяхукяо найдены остатки древнейшего в Китае domesticiрованного риса (с. 543). Происхождение культурного риса является важной проблемой археоботаники Китая (см. Fuller et al. 2007; Jiang, Li 2006; Liu et al. 2007), и существует точка зрения о сравнительно поздней полной domestикации риса, не ранее 4000 лет до н. э. (см. Fuller et al. 2007; 2008). Упоминается о находке костей домашней свиньи, самой ранней в Китае (с. 545); есть данные о том, что свиньи на стоянке Чжяху на несколько сотен лет древнее (см. Cucci et al. 2011).

На памятнике Кяхукяо обнаружен ряд очень интересных и важных для археологии Восточной Азии артефактов. Это остатки древнейшей в регионе деревянной лодки (см. также Jiang, Liu 2005; Liu, Chen 2012); также найдены деревянные предметы, которые можно трактовать как части примитивного ткацкого станка (с. 549–550). Находки собственно текстиля неизвестны, есть только плетеные изделия типа корзин. Не исключено, что обитатели стоянки могли знать производство текстиля, но однозначных доказательств в пользу этого пока нет.

Глава 27 (Современные исследования культуры хэмуду и стоянки Тяньлуошань, автор Г. Сун [G. Sun]) описывает неолитическую культуру хэмуду [Hemudu], существовавшую около 5100–3400(3100) лет до н. э. в восточном прибрежном регионе Китая. Освещаются прежде всего экономика и материальная культура. Как и в культуре кяхукяо, здесь обнаружены деревянные изделия, которые могли быть частями ткацкого станка; найдены также плетеные из тростника маты и пряслица, однако их присутствие не говорит однозначно о существовании производства текстиля (см. Kuzmin et al. 2012: 331–335). Кратко охарактеризованы раскопки стоянки Тяньлуошань [Tiaoloushan] в 7 км от опорного памятника Хэмуду; среди находок особенно интересны остатки деревянного моста (мостовой) и рисовых полей [paddy fields].

В отношении реконструкции природной среды, в которой существовала культура хэмуду, автор непоследователен. Утверждается, что в это время уровень моря был на 4 м ниже современного, и тут же говорится о том, что среднегодовая температура была на 5 °C выше, чем сегодня (с. 561). Это противоречие отметил и автор главы 26 (см. с. 553). Исходя из данных об уровне моря в восточном Китае в голоцене (см. Wang 1991; Zhao et al. 1995), очевидно, что он достиг современного положения около 7000 л. н. (что соответствует 5900 лет до н. э.) и превышал его на 2–4 м в интервале 6000–5000 л. н. (4900–3800 лет до н. э.), т. е. именно тогда, когда существовала стоянка Хэмуду.

Говоря о структуре комплекса хэмуду, автор делает вывод о зачаточном социальном ранжировании (с. 566), однако фактических данных для этого явно не хватает, так как в изученных погребениях найдено слишком мало артефактов. Также прямо пишется о цивилизации в юго-восточном Китае возрастом 7000 лет (с. 556); по моему мнению, данный пассаж можно отнести к недоработке редактора, которому должно быть известно, что цивилизация в Китае начинается только около 3100 л. н. (или 1250 г. до н. э.), в эпоху Поздняя Шан

(см., напр.: Кузьмин 2014: 571). Керамика культуры хэмуду, по данным автора, в основном ручной работы (с. 559), и о какой цивилизации можно говорить? В данном выводе явно видно влияние метода *wishful thinking*.

В главе 28 (Культура лянчжу, автор Л. Цин [L. Qin]) представлены данные по одной из наиболее интересных культур позднего неолита Китая — лянчжу [Liangzhu]. Ее памятники расположены вокруг большого озера Тайху [Taihu] в провинциях Чжэцзян и Цзянсу, а также в окрестностях г. Шанхая. Комплекс лянчжу в целом датируется около 3300–2400(2200) лет до н. э. В главе дается характеристика поселений, материальной культуры и погребальных комплексов; данная культура известна своими многочисленными украшениями из нефрита, которым китайские археологи придают большое значение при реконструкции социальной структуры. Находка земляных стен вокруг опорного поселения Лянчжу дает автору основание считать его городским центром (с. 574); на мой взгляд, значение этого объекта преувеличено.

На основании анализа количества и состава погребального инвентаря сделан вывод о существовании региональной элиты (с. 574); однако здесь же указывается, что часто в могилах лиц разного статуса найдены одни и те же типы артефактов (топоры и украшения), разница лишь в их количестве. Вероятно, можно согласиться с тем, что в культуре лянчжу существовала элитная прослойка, но насколько сильным было ее влияние, остается нерешенным. Отмечается, что структура общества не была «пирамидальной», т. е. количество элитных кладбищ достаточно велико (с. 582).

Автор придает большое значение системе распределения изделий из нефрита и считает, что ее контроль был основой власти элиты (с. 584, 586); также сделан вывод о наличии системы обмена на значительные расстояния (с. 593). Этот термин не определяется, но если посмотреть на расположение поселений (с. 575, рис. 28.1), видно, что они находятся в круге с радиусом не более 100 км. Общепринятым расстоянием между источником сырья и местами его использования, при котором можно говорить об обмене на значительные расстояния, считается величина около 300 км (см., напр.: Renfrew 1969). Очевидно, что в случае с культурой лянчжу мы имеем дело лишь с региональной системой обмена. На мой взгляд, обладание пищевыми ресурсами для обществ неолита было гораздо важнее контроля за производством украшений (при этом сырье для изготовления каменных орудий не контролировалось элитой!), поэтому придавать системе распределения нефритовых артефактов повышенное значение не совсем корректно, тем более что в главе подчеркивается, что проживавшие на стоянке Лянчжу не имели тотального контроля за производством украшений (с. 594).

Глава 29 (Археология неолита юго-восточного Китая, автор Т. Чжяо [T. Jiao]) содержит базовую информацию о неолитических культурах юга пров. Чжэцзян, провинций Фуцзянь и Гуандун, а также специальных районов Гонконг и Макао. В этом прибрежном регионе возраст неолитических комплексов в целом определяется около 5100–1600 лет до н. э. Первые следы приморской адаптации (собирательство морских моллюсков, охота на морских животных), согласно автору, известны около 4900–4300 лет до н. э.; возделывание риса в очень ограниченных количествах могло практиковаться уже около 3700–2900 лет до н. э. Отмечу, что на о. Мацзу [Mazu или Matsu] (Тайваньский пролив, рядом с побережьем пров. Фуцзянь) древнейшая «раковинная куча» датирована около 6200 лет до н. э. (Hung, Carson 2012: 1123). Интересны данные об источнике сырья для производства долот и наконечников стрел на стоянке Дамаошань

[Damaoshan] на юге пров. Фуцзянь. По данным геохимического анализа (см. Guo et al. 2005), базальт добывался на Пескадорских (Пэнхуледао [Penghu]) островах в Тайваньском проливе, на расстоянии по прямой около 250 км через морское пространство. Это говорит о существовании мореходных средств у неолитического населения юго-востока материкового Китая уже около 3700–2900 лет до н. э.

Главные выводы автора таковы: морские ресурсы всегда играли важную роль в жизнеобеспечении неолитического населения побережья юго-восточного Китая, а земледелие имело место в очень ограниченных масштабах; таким образом, до конца неолита в данном регионе не существовало центров политической власти [political centers] (с. 609). Данная глава хорошо сбалансирована.

Глава 30 (Первые земледельцы и их прибрежная адаптация в доисторическом Тайване, автор К. Ли [K. Li]) посвящена появлению земледелия в каменном веке Тайваня. Время появления неолитических (т. е. керамических) комплексов в регионе остается неясным. Самая ранняя ^{14}C дата для неолита Тайваня (культура тапэнкен [Tarenkeng]), полученная по раковине морского моллюска — 5890 ± 55 л. н. (индекс SI-1229; см., напр.: Spriggs 2003: 66), при калибровке (приняв величину $\Delta R = 0$) соответствует около 4400 лет до н. э. (см. также: Hung, Carson 2014).

Используя новые данные, полученные при раскопках группы стоянок Нанкуанли [Nan-kuan-li] на юго-западе острова, автор приходит к выводу, что их обитатели около 3100–2400 лет до н. э. практиковали хозяйство, ориентированное в основном на добычу морских ресурсов (и отчасти наземных диких животных), но при этом у них присутствовало в ограниченных количествах земледелие (рис, просо), занесенное с материка (с. 628). В пользу активных контактов между материковыми районами Китая и Тайванем в это время говорит транспортировка каменного сырья с Пескадорских островов на континент (см. анализ главы 29).

Заканчивая разбор книги, нужно сделать еще несколько замечаний. Ссылки на литературу на китайском языке даются иероглифами, с переводом на английский язык названий статей и монографий (с сохранением оригинальных названий журналов, которые даны в виде транслитерации латинскими буквами). Такой стиль отличает данный сборник в лучшую сторону по сравнению с монографией Л. Лю и С. Чена (Lui, Chen 2012) (см. Кузьмин 2014: 572). Можно лишь отметить, что для заказа книг часто нужно знать транслитерацию их оригинального (т. е. китайского) названия, но эта информация отсутствует.

В целом рецензируемый сборник можно охарактеризовать как полезную сводку по ряду аспектов археологии неолита и бронзового века Китая. Однако необходимо подчеркнуть, что выводы многих авторов страдают от предвзятости, а в логике их рассуждений присутствует *wishful thinking*: имеющиеся факты часто искажаются в угоду парадигме «сложных обществ». Поэтому, действительно, книгу не стоит рекомендовать студентам без предварительного разъяснения этих ее особенностей.

Литература

- Кузьмин Я. В. 2013. Происхождение керамики в Евразии: современное состояние вопроса (начало 2010-х гг.) // РАЕ 3, 8–26.
- Кузьмин Я. В. 2014. «Коммунистическая» археология Китая [Рецензия на Liu L., Chen X. The Archaeology of China: from the Late Paleolithic to the Early Bronze Age.

- New York: Cambridge University Press, 2012] // PAE 4, 555–575.
- Мелларт Дж. 1982. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М.: Наука.
- Allard F. 2014. Early complex societies in southern China // Renfrew C., Bahn P. (eds.). The Cambridge World Prehistory. New York: Cambridge University Press, 807–823.
- Atahan P., Dodson J., Li X., Zhou X., Chen L., Barry L., Bertuch F. 2014. Temporal trends in millet consumption in northern China // JAS 50, 171–177.
- Bahn P. (ed.). 2001. The Penguin Archaeology Guide. London: Penguin Books.
- Barton L., Newsome S. D., Chen F.-H., Wang H., Guilderson T. P., Bettinger R. L. 2009. Agricultural origins and the isotopic identity of domestication in northern China // PNAS 106, 5523–5528.
- Campbell R. B. 2013. A new benchmark for Chinese archaeology // Antiquity 87, 1217–1219.
- Conard N. J., Bolus M. 2003. Radiocarbon dating the appearance of modern humans and timing of cultural innovations in Europe: new results and new challenges // JHE 43, 331–371.
- Covey R. A. 2008. Political complexity, rise of // Pearsall D. M. (ed.). Encyclopedia of Archaeology. Amsterdam: Elsevier, 1842–1853.
- Cucchi T., Hulme-Beaman A., Yuan J., Dobney K. 2011. Early Neolithic pig domestication at Jiahu, Henan Province, China: clues from molar shape analyses using geometric morphometric approaches // JAS 38, 11–22.
- Darvill T. 2002. The Concise Oxford Dictionary of Archaeology. Oxford: Oxford University Press.
- Deng H., Yuan J., Song G.-D., Wang C.-S., Masaki E. 2013. The re-examination of the domestic chicken in ancient China // Kaogu 6, 83–96 (in Chinese with English abstract).
- Eriksson J., Larson G., Gunnarsson U., Bed'hom B., Tixier-Boichard M., Strömstedt L., Wright D., Jungerius A., Vereijken A., Randi E., Jensen P., Andersson L. 2008. Identification of the *Yellow Skin* gene reveals a hybrid origin of the domestic chicken // PLoS Genetics 4(2), e1000010.
- Fagan B. M. (ed.). 1996. The Oxford Companion to Archaeology. New York: Oxford University Press.
- Falkenhausen L. 1993. On the historiographical orientation of Chinese archaeology // Antiquity 67, 839–849.
- Flad R. 2011. Salt Production and Social Hierarchy in Ancient China: An Archaeological Investigation of Specialization in China's Three Gorges. Cambridge: Cambridge University Press.
- Flad R., Chen P. 2014. Ancient Central China: An Archaeological Study of Centers and Peripheries along the Yangzi River. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fuller D. Q., Harvey E., Qin L. 2007. Presumed domestication? Evidence for wild rice cultivation and domestication in the fifth millennium BC of the Lower Yangtze region // Antiquity 81, 316–331.
- Fuller D. Q., Qin L., Harvey E. 2008. Rice archaeobotany revisited: comments on Liu et al. (2007) // Antiquity 82, Project Gallery (<http://www.antiquity.ac.uk/ProjGall/fuller1/index.html>).
- Guo Z., Liu K., Lu X., Ma H., Li K., Yuan S., Wu X. 2000. The use of AMS radiocarbon dating for Xia–Shang–Zhou chronology // Nuclear Instruments and Methods in Physics Research B 172, 724–731.
- Guo Z., Jiao T., Rolett B. V., Lui J., Fan X., Lin G. 2005. Tracking Neolithic interactions in southeast China: evidence from stone adze geochemistry // Geoarchaeology 20, 765–776.
- Hung H.-C., Carson M. T. 2014. Foragers, fishers and farmers: origins of the Taiwanese Neolithic // Antiquity 88, 1115–1131.
- Hunt H. V., Linden M. V., Liu X., Motuzaite-Matuzeviciute G., Colledge S., Jones M. K. 2008. Millets across Eurasia: chronology and context of early records of the genera *Panicum* and *Setaria* from archaeological sites in the Old World // Vegetation History and Archaeobotany 17, 5–18.

- Jiang L., Liu L. 2005. The discovery of an 8000-year-old dugout canoe at Kuahuqiao in the Lower Yangzi River, China // *Antiquity* 79, Project Gallery (<http://www.antiquity.ac.uk/projgall/liu/index.html>).
- Jiang L., Liu L. 2006. New evidence for the origins of sedentism and rice domestication in the Lower Yangzi River, China // *Antiquity* 80, 355–361.
- Kuzmin Y. V. 2006. Chronology of the earliest pottery in East Asia: progress and pitfalls // *Antiquity* 80, 362–371.
- Kuzmin Ya. V. 2013. Origin of Old World pottery as viewed from the early 2010s: when, where and why? // *WA* 45, 539–556.
- Kuzmin Ya. V., Keally C. T., Jull A. J. T., Burr G. S., Klyuev N. A. 2012. The earliest surviving textiles in East Asia from Chertovy Vorota Cave, Primorye Province, Russian Far East // *Antiquity* 86, 325–337.
- Larson G., Fuller D. Q. 2014. The evolution of animal domestication // *Annual Review of Ecology, Evolution, and Systematics* 66, 115–136.
- Li X., Harbottle G., Zhang J., Wang C. 2003. The earliest writing? Sign use in the seventh millennium BC at Jiahu, Henan Province, China // *Antiquity* 77, 31–44.
- Liu L., Chen X. 2012. *The Archaeology of China: from the Late Paleolithic to the Early Bronze Age*. New York: Cambridge University Press.
- Liu L., Lee G.-A., Jiang L., Zhang J. 2007. The earliest rice domestication in China // *Antiquity* 81, Project Gallery (<http://www.antiquity.ac.uk/ProjGall/liu1/index.html>).
- Liu X., Hunt H. V., Jones M. K. 2009. River valleys and foothills: changing archaeological perception on north China's earliest farms // *Antiquity* 83, 82–95.
- Liu X., Jones M. K., Zhao Z., Liu G., O'Connell T. C. 2012. The earliest evidence of millet as a staple crop: new light on Neolithic foodways in North China // *AJPA* 149, 283–290.
- Mayer-Oakes W. J. 1963. Complex society archaeology // *AA* 29, 57–60.
- Mook W. G., van der Plicht J. 1999. Reporting ^{14}C activities and concentrations // *Radiocarbon* 41, 227–239.
- Nelson S. M. (ed.). 1995. *The Archaeology of Northeast China: Beyond the Great Wall*. London & New York: Routledge.
- Nelson S. M. 1997. Hongshan — an early complex society in Northeast China // *BIPPA* 16, 57–62.
- Pechenkina E. A., Ambrose S. H., Ma X., Benfler R. A., Jr. 2005. Reconstructing northern Chinese Neolithic subsistence practices by isotopic analysis // *JAS* 32, 1176–1189.
- Peterson C. E., Lu X., Drennan R. D., Zhu D. 2010. Hongshan chiefly communities in Neolithic northeastern China // *PNAS* 107, 5756–5761.
- Radiocarbon Dates in Chinese Archaeology, 1965–1991*. 1991. Beijing: Cultural Relics Publ. (in Chinese with English summary).
- Radivojević M., Rehren T., Kuzmanović-Cvetković J., Jovanović M., Northover J. P. 2013. Tainted ores and the rise of tin bronzes in Eurasia, c. 6500 years ago // *Antiquity* 87, 1030–1045.
- Radivojević M., Rehren T., Kuzmanović-Cvetković J., Jovanović M. 2014. Context is everything indeed: a response to Šljivar and Borić // *Antiquity* 88, 1315–1319.
- Renfrew C. 1969. Trade and culture process in European prehistory // *CAn* 10, 151–169.
- Shaw I., Jameson R. (eds.). 1999. *A Dictionary of Archaeology*. Oxford: Blackwell.
- Šljivar D., Borić D. 2014. Context is everything: comments on Radivojević *et al.* (2013) // *Antiquity* 88, 1310–1315.
- Spriggs M. 2003. Chronology of the Neolithic transition in Island Southeast Asia and the Western Pacific: a view from 2003 // *TRA* 24 (2), 57–80.
- Stuiver M., Polach H. A. 1977. Discussion: reporting of ^{14}C data // *Radiocarbon* 19, 355–363.
- Svyatko S. V., Schulting R. J., Mallory J., Murphy E. M., Reimer P. J., Khartanovich V. I., Chistov Yu. K., Sablin M. V. 2013. Stable isotope dietary analysis of prehistoric populations from the Minusinsk Basin, southern Siberia, Russia: a new chronological framework for the introduction of millet to the eastern Eurasian steppe // *JAS* 40, 3936–3945.

- Underhill A.* (ed.). 2013. *A Companion to Chinese Archaeology*. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Wang Q.* 1991. Quaternary transgressions and sea-level in China // *Zhang Z.* (ed.). *The Quaternary of China*. Beijing: China Ocean Press, 218–239.
- Wu X., Zhao C.* 2003. Chronology of the transition from Palaeolithic to Neolithic in China // *TRA* 24 (2), 15–20.
- Xiang H., Gao J., Yu B., Zhou H., Cai D., Zhang Y., Chen X., Wang X., Hofreiter M., Zhao X.* 2014. Early Holocene chicken domestication in northern China // *PNAS* 111, 17564–17569.
- Zhang H., Pajmans J. L., Chang F., Wu X., Chen G., Lei C., Wei Z., Bradley D. G., Orlando L., O'Connor T., Hofreiter M.* 2013. Morphological and genetic evidence for early Holocene cattle management in northeastern China // *Nature Communications* 4, 2755.
- Zhang J., Harbottle G., Wang C., Kong Z.* 1999. Oldest playable musical instruments found at Jiahu early Neolithic site in China // *Nature* 401, 366–368.
- Zhao X., Tang L., Wang S., Shen C.* 1995. Holocene climatic and sea-level changes in Qingfeng section, Jianhu County, Jiangsu Province: a typical example along the coastal areas in China // *Journal of Coastal Research (Special Issue 17)*, 155–162.
- Zhao Z.* 2011. New archaeobotanic data for the study of the origins of agriculture in China // *CAn* 52, S295–S306.